
НОВОРОССИЯ: ГЛОБАЛИЗМ В ДЕЙСТВИИ

От редакции: Упаси, Бог, думать, что мы разжигаем антиукраинскую истерию... Ниже — художественное, литературное отображение реалий Гражданской войны на братской Украине, инициированной силами мирового зла, имя которому — империалистический глобализм, подлинное исчадие ада.

Владимир Высоцкий

СОЛДАТЫ ГРУППЫ «ЦЕНТР»*

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
и с мест они не сойдут.
Пока не предстанет Небо с Землей
на Страшный Господень Суд.*

Редьярд Киплинг (1865—1936)

Песня написана к спектаклю «Павшие и живые».

Солдат всегда здоров,
Солдат на все готов,—
И пыль, как из ковров,
Мы выбиваем из дорог.

И не остановиться,
И не сменить ноги,—

* Когда ополченцы Донбасса шли в бой, они включали эту песню Владимира Высоцкого и через нее, усиленную армейскими громкоговорителями, старались донести до солдат противника, кто является духовными прародителями пославших их на войну.

Сияют наши лица,
Сверкают сапоги!

По выжженной равнине —
За метром метр —
Идут по Украине
Солдаты группы «Центр».

На «первый-второй» рассчитайсь!
Первый-второй...
Первый, шаг вперед! — и в рай.
Первый-второй...
А каждый второй — тоже герой, —
В рай попадет вслед за тобой.
Первый-второй,
Первый-второй,
Первый-второй...

А перед нами все цветет,
За нами все горит.
Не надо думать — с нами тот,
Кто все за нас решит.

Веселые — не хмурые —
Вернемся по домам, —
Невесты белокурые
Наградой будут нам!

Все впереди, а ныне —
За метром метр —
Идут по Украине
Солдаты группы «Центр».

На «первый-второй» рассчитайсь!
Первый-второй...
Первый, шаг вперед! — и в рай.
Первый-второй...
А каждый второй — тоже герой, —
В рай попадет вслед за тобой.
Первый-второй,
Первый-второй,
Первый-второй...

Игорь Герасимов
(г. Донецк, Украина)

Игорь Григорьевич Герасимов не является профессиональным литературоведом, писателем, историком словесности и пр. Он — ученый-биохимик, доктор биологических наук, профессор, долгое время работал в НИИ медицинских проблем семьи Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького. В настоящее время — профессор Донецкого национального университета. Признанный ученый в области изучения биохимических и биофизических основ памяти. Автор многочисленных патентов на изобретения и научных публикаций, в том числе монографий, изданных на Украине, в России и Германии. Научную деятельность совмещает с занятиями историей и литературой. Участвует в археологических экспедициях на юге страны (Украина + Россия = бывш. СССР). Имеет ряд публикаций в литературных изданиях. В «Приокских зорях» впервые опубликовался в качестве автора первого поэтического перевода «Слова о полку Игореве»: именно поэтического перевода, а не стихотворного пересказа, что не есть синонимы. Это сделано И. Г. Герасимовым впервые за почти двухвековую историю пристального изучения самого поэтического произведения — памятника литературы Древней Руси. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

РАЗНАЯ ВЕСНА

В год этот ягод будет много:
Деревья белые стоят,—
При том, что все предельно плохо
От лжи до запаха солдат

И смрада шин горящих. В небе
Юпитер, и затем Сатурн
И Марс, и песенка про беби
Звучит. А где-то, может, штурм!

Там — снайпер затаился в нише,
Там — поезд пущен под откос...
Здесь аромат цветущих вишен,
Черешен, яблонь, абрикос.

Здесь — тишина, не слышно звука,
А там — карательный налет —

То глухо выхлопнет базука,
То гроыхнет гранатомет,

А в небе гул винтов в разгуле
И ночь — без воздуха — тесна,
И караул корявят пули.
...Такая разная весна...

**ЗА СЕПАРАТИСТА НАЗНАЧЕНА
НАГРАДА 10 000 \$**

Идет охота на людей,
Идет охота.
 вне охоты
Кто не в охоте — не у дел.
Найдется ль кто-то?

Облава, гон, и не флажки
Горят, а шины,
Махров цветет неофашизм
И все фашизмы.

Идет охота, льется кровь
И гибнут люди,
С чем не рифмуется любовь —
Лишь ад Иудин.

Да кто ж охотники? Волков
Узнай по морде.
Но эти-то на вид таков,
Как люди, вроде.

Владимир Бояринов
(г. Москва)

ТЯГНИБОКСКИЕ НАПЕВЫ

Стихи Владимира Бояринова, как все по-настоящему значительные произведения, обладают некой магией — заражают своим состоянием, моментально перестраивают твоё настроение: поднимают дух, если ты расклеился от неприятностей и вообще потерял надежду на лучшее, или вселяют грусть, если ты чересчур развеселился от нахлынувшей удачи и забыл, как много в мире несчастных. Все это не просто щедрость таланта, а результат глубокой причастности автора к другим людям, его ответственности за их судьбы.

В. Г. Бояринов. Дружеский шарж.
Академик Российской академии
художеств Владимир Георгиевич
Мочалов

Владимир Бояринов — стилист-виртуоз, поэт с безупречным вкусом, чутьем на слово и редким чувством меры. Его стихи — горение и страсть, тоска и боль, радость и любовь; разные по темам, все они написаны с высочайшим мастерством, предельно просто и ясно, без желания удивить, пооригинальничать, потому и выглядят, как отливки из драгоценного металла.

Бояринов известный поэт, но, мне кажется, он все же не оценен по достоинству, а между тем когда-нибудь им будет гордиться наше Отечество.

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*Леонид Сергеев,
прозаик*

ДВЕ КОЛОНКИ

Чтоб самому себе не врать,
Барак Обама взял тетрадь
И с красной написал строки
Каллиграфически: «ВРАГИ».

Чтоб много на себя не брать,
Перевернул свою тетрадь
И с красной написал строки
Собственноручно: «ДУРАКИ».

Все президентские коронки
И всех, кто вписан в две колонки,
Европа знает наизусть.
Не про Барака эта грусть.

Как много черновой работы!
Он «ДУРАКОВ» на «ИДИОТЫ»
Исправил рано по утру
И в Киев позвонил... Петру...

ОПАРЫШ

Изворотливый опарыш,
Прокаженный гомофоб
Ров могильный роет Ярош,
Украине ладит гроб.

Он выводит из подполья
Новоявленных крысят:
Зубы — сабли, зубы — колья,
Сопли гроздьями висят!

Он Россию кроет матом,
Страстно любит керосин,
Разгрызает мирный атом
Силой в сотни Херосим.

«Не грызи орехи эти! —
Стон идет из-под земли. —
Сгинут собственные дети!»
«Ни хрена! Зато на свете
Передохнут москали!»

Фантастичные моменты
Дарит 21-й век:
У соседей в президенты
Рвется недочеловек!

ПСАКИ

(Д. Псаки — дивное диво Госдепа США)

Обойдите белый свет —
Даже на могилках нет
Голосистей птахи,
Чем голубка Псаки.

Русский газ,
как пьяный черт,
По ее словам, течет
(посмотрите в Twitter)
С Киева на Питер.

Говорила Псаки та:
Вынимали паспорта
Тысячи детишек
Из своих штанишек,

Запускали карусель,
Неизвестную досель,
Сутки тусовали,
Проголосовали
За свободный Дон,
За родимый дом,
За отца и мать...
Руки бы им обломать! —
Полыхала Псаки,
Как гроза во мраке.

Достоверно скажем вам —
По ее лихим словам
Стал Ирак... Ираном...
А Барак?... Брахманом?

По ее ли изреченьям
Куры кормятся печеньем
И смеются куры
На концертах
Псаки.

СКАЗАНИЕ О СКИФСКОМ КЛАДЕ

В Вашингтоне зверский холод
Ведьмам выбелил виски.
Третьи сутки жарит Ноланд
Фирменные пирожки.

...В Киеве загомонили
Мужики и бабы вдруг:
В политической могиле
Захоронен Яценюк!

Он лежит среди майдана
Под сиянием луны,
И четыре чемодана
Скифским золотом полны.

Скачет конь, крадется львица,
Извивается змея...
А вокруг, как говорится,
Вся партийная семья.

Мужики столкнулись лбами,
Бабы шепчутся тайком:
«Не продать ли клад Обаме
Заодно с Яценюком?»

Чтобы комиссионера
Не учуял внешний враг,
С чемоданами премьера
Заклучили в саркофаг.

В добрый путь! Отцы майдана
Подсчитали все, как есть,
Точка в точку: даст Обама
Миллиардов сорок шесть!

Мать родная! Если взвесить,
Эта сделка — на века!
...Минус долларов 110
За провоз Яценюка.

Подскочил Барак в три шага,
Вострой саблей сбил замки!
Грянул гром!.. Из саркофага
Выпорхнули пирожки.

Это вам не взрыв петарды,
Это стон из-под земли:
«Снова наши миллиарды
Умыкнули москали!»

ТЯГНИБОКСКИЕ НАПЕВЫ

Как на киевской платформе
Хрен стоит в защитной форме.

— Чей ты будешь, голубок?
— Группенфюрер Тягнибок.
Я не фраер — я нарцисс,
Я цветочек аленький,
Я каратель, и фашист,
И нацист не маленький.

Я перестрелять готов,
Я готов повесить
Русофилов и жидов
Миллионов десять.

И татар спалю в печи,
Если хватит газа.
Не замай мои харчи
Пришлая зараза!

Я расист не рядовой,
Все меня боятся! —
В Белом доме рулевой
Нервно чешет яйца.

Меркель тоже говорит,
Что я парень гарный.
В честь ее огонь горит
В топке солидарной.

Промеж глаз родной стране
Я — по праву сына —
Врезал кулаком!..
Ще не
Вмерла Украина?..

Я НАПИСАЛ ПИСЬМО

*Я написал посланье львам:
«О львы! Повелеваю вам...»*

Льюис Кэрролл
«Монолог Шалтая-Болтая»

Я написал письмо Обаме:
«Ты не скрипи на нас зубами...»

На что его секретари
Сушить велели сухари.

Я взвыл: «Как мерзко! Как погано!
Нет вашим пакостям конца!...»

Они прислали из Афгана
Контейнер опия-сырца.

Я позвонил: «Да что они
Так злобствуют, Степан Иваныч?» —

В ответ Мубарака Хосни
Мумифицировали за ночь.

Я написал письмо Шойгу:
«Серега, больше не могу...»

Я отзвонился Талибану:
«Пора разубедить Обаму...»

Отдал петицию в Собес:
«Прошу его оставить без...»

Пока стучал горох тоски
По клавишам на телеграфе —

Майдан ливийский на ремки
Порвал Муаммара Каддафи.

Звоню в ООН: «Что за дела?
Да задери вас Хесболла!»

Но если черти полосаты —
Они ни в чем не виноваты.

Старшой кричит: «Мы из владык
Всей нечисти земного шара!»

Схватил жестоко за кадык
И душит Асада Башара.

Звоню в Масад и в Зоосад.
Но там полно своих засад.

В отчаянье воззвал я к Богу:
«Приди, Спаситель, на подмогу!»

Мне голос был: «Зажги свечу.
Всех отыщу. Не всех прощу!»

НА ЧЕРНОГОРСКОМ БЕРЕГУ

До поры, с Мыколой споря,
Мы не обостряли спор:
Черногория — от *горя*
Или все-таки от *гор*?

А как выпили по триста
Самогонки местной власть —
Предсказуемо и чисто
Заваруха началась!

Зарубились мы рогами
На курортном берегу.
Я послал его к Обаме,
Он послал меня к Шойгу.

— Признавайся, москаляка,
Забубенный стихоплет,
Ты, собака, сбил, однако,
Малазийский самолет?!

Крым верни! Он мой поныне.
Я купаться в нем люблю.
Скажешь: «Слава Украине», —
Может быть, и не убью.

Не в Днепре сходились льдины
И не в Люберцах братки —

Мы хватались за чуприны,
Мы хватались за грудки!

Раззадорились, как дети,
Как матросы с корабля.
Мы спустили все на свете
До последнего рубля.

Черногория от горя
Подала живую весть —
Глянули: да это ж море!
Здесь еще и море есть?!

Запасемся сухарями.
Перебьемся. Не впервой.
В ноябре со снегирями
Улетим к себе домой.

ПИСЬМО КЭТРИН ЭШТОН
или
ЕЩЕ РАЗ О ПТИЧКАХ

Пишу тебе, красотка Кэтрин,
Письмо с волнением в крови.
Не говори: «Ты слишком ветрен»,
Не осуждай моей любви.

Через эфир в мою обитель
Крылатый образ твой влетел.
Ты — мой верховный представитель,
Мой президент сердечных дел.

«Советник мой по тайным связям,—
Ты мне ответила,— скажи,
Ради меня ты станешь князем
Свободы, равенства и лжи?»

Вспылив от праведного гнева,
Я вытер слезы кулаком:
Ты почему лобзалась, дева,
С ничтожнейшим Яценюком?

Я не забыл о старом Керри!
Ты почему, ты почему,
Подобно опытной гетере,
На шею кинулась ему?

Давай избавимся от скверны
И убедимся заодно:

Европа — это дно таверны.
Пора очистить это дно!

Пора задуматься глубоко
Над предложением моим:
Олигофрена Тягнибока
Давай с тобой усыновим...

УКРАИНСКИЕ ПЛЯСКИ

В Украине танцы,
Гопаки и гласы:
«Газовые сланцы!
Сланцевые газы!»

В зону интересов
Вашингтонских бесов
Для поездки найден
Джозеф Робин Байден.

Почву унавозив,
Счастлив Байден Джозеф:
В недрах три корыта
Золота зарыто!

Близок Джо к экстазу:
«Срочно дайте газу
Моему сыночку
На сто лет в рассрочку!»

Пляшет Украина,
Скачет диким полем:
«Для бедняжки сына
Кабана заколем!

Кабана опалим,
Байдена похвалим:
Джозеф Робин Байден
Не в помойке найден!

Мы с его одежды
Все пылинки сдуем,
Поголяем трошки
Да украдкой сплюнем:

— Хватит, подивился
Украинской сказкой.
Чтоб ты подавился
Кровяной колбаской!»

Владимир Резцов
(г. Калининград)

ОПОЛЧЕНЦЫ
(отрывок из поэмы «Песня о Гришке Отрепьеве»,
часть 3 «Дежавю»)

Силой черной, словно полночь,
Прет бандеровская мразь;
Смерть несет Донбассу, сволочь,—
Злобно, нагло, не таясь;

Подстрекаемая янки,
Алчет крови и смертей:
Самолеты, пушки, танки
Против женщин и детей!

Весь объят огнем смертельным
Гордых тружеников край.
В урагане огнестрельном,
Мирный житель, умирай...

Рев моторов без умолку:
Сверху бомбы, жгут дотла.
Вихри вражеских осколков
Рвут и стены, и тела...

За сто верст несет паленым.
Враг глумится и казнит
По разбойничьим законам.
Но проклятый будет бит!

Хлопцы *Игоря Стрелкова*,
Мы не дрогнем, не сбоим:
Рукопашно и стрелково
Бой бандеровцам дадим!

Кто не трус, тот — в ополченье!
За родимый край — умрем!
Смело в бой! Убийцам — мщенье!
«Сушку» спалим, танк сождем!

Мы в искусствах динамитных
Знаем толк. Тверда рука.
Вертолет *жовтоблаkitных*
Угостим с ПЗРК!

За родных своих и близких,
Чай, деремся не дубьем:
Мы у нелюдей фашистских
«Град» и пушки — отобьем!

Монумент распьедестален:
Раз уж в танках дефицит,
Старый танк «Иосиф Сталин»
Вновь, как встарь, врага громит!

Ничего, что отступали
Из Славянска. Эка даль!
Отступали, больно жаля,—
Нам на это сил не жаль...

Порошенко, хвастунишка,
Мы вернемся — рвать укроп!
Майданутой хунте, слышь-ка,
Обустроим крепкий гроб!

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Иван Сергеевич одиноко лежал на кровати в своей трехкомнатной «сталинке» в центре Славянска, почти не прислушиваясь к звукам взрывов, доносившихся с улицы. В свои девяносто ему было тяжело спускаться с третьего этажа в подвал во время бомбежек города украинскими войсками. К тому же последние две недели опять открылись застарелые трофические язвы на коже культи ампутированной голени — и одевать протез стало очень больно на кровоточащий остаток левой ноги.

Иван Сергеевич Кузьмин стал безногим инвалидом в сорок пятом, наступив на противопехотную мину в бою во время освобождения от гитлеровцев Восточной Пруссии. С поля боя его — тяжело раненного вытащил на себе фронтовой товарищ Ярослав Пристай, с которым они вместе прошли в разведроту долгий боевой путь от Подмосковья, начиная с сорок первого.

...Разрыв снаряда раздался где-то по соседству от дома Кузьмина, зазвенели стекла в окнах квартиры, с потолка посыпалась пудрой штукатурка.

«Здорово долбят, гады... Как в Великую Отечественную фашисты не щадили мирных жителей — так и киевские каратели лупят из «Градов» по жилым кварталам,— подумалось Ивану Сергеевичу.— Хорошо, что еще внучку вовремя отправил прятаться в подвал...»

Семнадцатилетняя внучка Оля — это последнее, что удерживало старика на этом свете. Так случилось, что у них с супругой после войны долго не было детей. Кузьмины уже отчаялись когда-либо обзавестись потомством, и тут на девятнадцатом году совместной жизни жена Маша наконец-то забеременела! Как они радовались появлению на свет долгожданного сына Васи!

Мальчик рос крепким, умным, самостоятельным. После школы поступил в Горный институт, после окончания которого распределился на шахту, где к тому времени Иван Сергеевич работал директором.

Отец для начала отправил сына работать в забой горным мастером, чтобы прошел все этапы освоения профессии горного инженера... И Василий его только радовал — отлично трудился, женился на хорошей девушке, появилась внучка Оля...

И тут произошло несчастье — авария на шахте... Кузьмин хорошо помнил тот черный для него и шахты день, когда Вася во главе бригады спасателей вызвался спуститься в аварийный забой...

От взрыва скопившегося на глубине метана погибли и все спасатели, и те, кого они хотели спасти...

Жена Маша после смерти сына слегла — скакнуло артериальное давление, случился инсульт — ее парализовало, и через полгода любимой супруги не стало... Еще через год от инфаркта ушла из жизни и безутешная вдова Василия.

Раздавленный горем Иван Сергеевич остался вдвоем с малолетней внучкой Олей. Необходимость ухаживать за девочкой дала ему силы не сломаться, выжить в этот тяжелый момент...

Так они и жили с Олей все эти годы вдвоем на его персональную пенсию, которой было вполне достаточно в советские времена. В «незалежной», к которой отнесся Донбасс после распада СССР, стало потруднее, но Кузьмин выкручивался, подрабатывал вахтером — и им с внучкой хватало на жизнь.

Дом вздрогнул от очередного близкого взрыва... Иван Сергеевич протер глаза от попавшей осыпавшейся штукатурки с потолка.

«Что творят, фашисты... Никого не щадят... А с молодежью что делают, которую насильно загоняют в украинскую армию... Соседка по подъезду рассказывала, что дети пошли купаться на озеро — начали нырять — и на глубине увидели стоящие вертикально трупы молодых солдат с привязанными к ногам грузами, со связанными руками... «Укропы» сбрасывали новобранцев, которые отказались стрелять в мирных жителей, ночью в таком виде с вертолета в озеро... Негодяи! До такого зверства даже фашисты во время войны не скатывались!.. Вообще непонятно — откуда у этого «Правого сектора» такая ненависть к русским?.. В Великую Отечественную на фронте рядом сражались и русские и украинцы — и все были дружны, без разницы! Тот же его фронтовой друг, спасший ему жизнь — вытащил раненного с поля боя под обстрелом шесть километров, не бросил — Ярослав Пристай — он же родом с Западной Украины, с города Долина на Ивано-Франковщине... Более преданного, честного человека, друга у меня не было в жизни... — размышлял старик, одиноко лежа в своей спальне. — А, если «потрошенковцы» (так Кузьмин называл украинских карателей в честь приведенного к власти США «президента» Порошенко) все-таки возьмут их город — что будет с внучкой? Девочка только закончила школу, подала документы для поступления в вуз в Луганске — а тут разразилась эта кровавая бойня населения Новороссии... На всякий случай у меня кое-что припасено...»

Кузьмин с трудом, с помощью еще не утративших до конца свою силу рук, отжал свое тяжелое туловище от поверхности кровати, сел, свесив вниз здоровую правую ногу и обрубок левой ноги. Отдышался, подождал, пока пройдет головокружение. Потом подтянул к себе массивный, еще советского производства протез, который так устал таскать за свою послевоенную жизнь. Наощупь отодвинул сделанную им давно в средней части протеза незаметную эбонитовую задвижку, закрывающую тайник, где хранился его любимый еще с фронта наган.

Да, он — коммунист, орденосец, Герой Социалистического Труда — не сдал свое личное фронтовое оружие, вернувшись с войны. Нарушил все тогдашние законы. Ну, не смог он расстаться с надежным другом наганом, который на фронте был незаменим в ближнем бою и не раз выручал его!

Иван Сергеевич привычно откинул барабан нагана до щелчка, залюбовался блеснувшими медными гильзами боевых патронов. Достал из схрона на протезе небольшую масленку, любяще, привычно смазал револьвер...

Услышав, как заскрипела входная дверь в квартиру, быстренько спрятал оружие обратно в тайник в протезе, улыбнулся вернувшейся из бомбоубежища внучке:

— Ну, как ты, милая? Не сильно перепугалась этих взрывов?

— Ничего, дедуля! Пережили перестройку — переживем и перестрелку! — пошутила заглянувшая в комнату голубоглазая, русоволосая, стройная девушка. — Сейчас я разогрею суп — надо, дедушка, покормить тебя!

Оля кормила Ивана Сергеевича в его спальне, когда из прихожей квартиры доносился грохот выламываемой запертой двери, недовольные громкие незнакомые голоса. Через несколько секунд в комнату, где с тарелкой в руке на кровати сидел старик

и рядом стояла Оля, вошли двое молодых, с заросшими щетинами на грязных лицах мужчин в камуфляжах с желтыми повязками со свастикой на рукавах, с автоматами Калашникова наперевес.

Старший из вошедших — чернявый, крепко сбитый, с наглой улыбкой наставил свой автомат на Кузьмина:

— День добрый, панове! Што-то не бачу радости от встречи с «Правым сектором»!.. Кто такие будете? Микола, пошукай-ка вон в том столе документы, да и вообще!

Более молодой каратель бесцеремонно вывернул на пол содержимое ящиков письменного стола. Пошуровал высыпаемые бумаги грязным ботинком. Среди прочего разлетелись в стороны и коробочки с боевыми и трудовыми наградами старика.

Микола поднял с пола ордена, золотисто блеснувшую звезду Героя Социалистического Труда:

— Смотри-ка, сотник, какие цапки у этого безногого деда! Да он же с Бандерой, наверное, воевал в ту войну, москаль проклятый! А цапки, видать, неплохих денег стоят!

Сотник почти вырвал у Миколы награды, сунул их себе в боковой карман брюк:

— Это конфискуем для нужд «Правого сектора»... Значит, старик при советах дослужился до героя соцтруда... А, это — кто!? — каратель перевел дуло своего автомата на Олю, щелкнул затвором.

Кузьмин поставил тарелку на прикроватную тумбочку:

— Ты автоматом-то не цель в девчонку! Это внучка моя, ухаживает за мной, только школу закончила, ребенок еще!

— Ха, ха, ребенок! Наверное, пособница москалей! Знаем мы таких ребенков! Вот для этого и будем зачищать ваш городишко от предателей неньки Украины! — зло произнес старший, правда, отвел автомат в сторону от Оли.— Да, хата у тебя, москаль, неплохая, просторная... Так что мы, Микола, пока здесь тормознемся... Осмотри-ка другие комнаты, может, где еще чего ценного найдешь... А ты, дивчина, пошли со мной на кухню — приготовишь нам пожрать с дороги!

«Укропы» вместе с растерянной Олей вышли из спальни Кузьмина. Старик обесилено прилег, лихорадочно прокручивая в голове создавшуюся ситуацию.

По манере поведения украинские вояки напомнили ему гитлеровских прислужников во время той далекой войны — полицаев. Да и свастика на рукавах такая же...

«Значит, взяли все-таки город... Видно, ополченцы отошли... Лишь бы с внучкой ничего не случилось плохого... От этих мерзавцев всего можно ждать!» — тревожно размышлял Иван Сергеевич.

В приоткрытую дверь спальни старик услышал долетевший довольный голос Миколы, рывшегося в зале:

— Сотник, побачь, что я отыскал! Цельный склад горилки в баре у коммуняки припрятан!

— Тащи на кухню! Отметим нашу победу над москалями! — отозвался старший.

«Дорвались до моего бара... Черт с ними, пусть ужрут... — понял старик.— Только бы внучку не трогали...»

Спустя некоторое время в спальню к Кузьмину заглянула Оля. Выглядела она встревожено, но старалась не подавать вида.

— Как ты, внучка!? — взволнованно поинтересовался старик.— Не обижают каратели?

— Не волнуйся, дедуль... Я им разогрела их пищевые американские пайки, но они пользуют твои коллекционные напитки... Дедуль, я тебе котлетку с картошечкой

принесла — доешь, что не успел из-за них... — с этими словами Оля присела на край кровати Ивана Сергеевича, подсунула ему повыше под голову подушку, протянула миску с едой.

Кузьмин начал кушать, не сводя любящего взгляда со своей милой внучки.

Старик протянул опустевшую тарелку, вилку Оле, когда в комнату, пошатываясь, ввалился Микола в расстегнутой на груди униформе:

— А, вот вы где прячетесь, москалюки! — пьяно прогузнул каратель. Взгляд его мутно блестящих глаз уперся в неработающий телевизор, стоявший напротив кровати старика. — А телек чего не бачите? Не хотите смотреть украинское телевидение?

— Телевизор давно ничего не показывает, как началась война, — попытался пояснить Кузьмин.

— Но мы же вас освободили от террористов... Должно и телевидение киевское врубиться! — не унимался каратель. Он подошел к телевизору, включил его.

Экран замигал, затрясся неровными полосками — и к удивлению хозяев квартиры появилось изображение и звук — начался показ новостей какого-то центрального киевского канала.

Дородная, улыбчивая телеведущая комментировала видеосюжет, как жители освобожденных от российских сепаратистов районов Донбасса радостно, с хлебом-солью встречают освободителей — бойцов «Правого сектора» в униформе...

— Вот как нас приветствуют патриоты Украины! Не то, что вы — коммуняки — москали... Ладно, Оля, пойдем до сотника, он просил! — Микола захватил внучку за руку и почти потащил ее за собой из спальни.

Старик приподнялся, и, не выдержав, почти крикнул:

— Парень, если обидите мою внучку — вы не жильцы! Учтите! Из-под земли достану!

Каратель обернулся, улыбнувшись развязной кривой улыбкой :

— Да, дед, тебе давно пора под землю! Ты свое отвоевал семьдесят рокив тому назад! Вояка — коммуняка! На одной ноге много не навоюешь, старая рухлядь! Так что лежи тихо и не скворчи! Кончилась ваша москальская власть!

От волнения у старика свинцово застучало в висках, закружилась, поплыла голова — и он бессильно рухнул навзничь на подушку.

«Вот, гестаповцы, всерьез меня уже не воспринимают, списали! А не поспешили ли!? Если понадобится — я соберусь для своего последнего боя! — с горечью думал Кузьмин. — Эх, встретились бы они мне этак годков семьдесят тому назад — вот тогда бы увидели — чья здесь правда! Наймиты американские, мать вашу... Христо-продавцы!»

По работающему телевизору начали показывать концерт какого-то рано обрюзгшего, гнусавого, как бы постоянно сморкающегося музыканта из России перед украинскими картелями из оккупированного ими донбасского города. Иван Сергеевич без очков плохо различал надписи, появляющиеся внизу экрана телевизора, прочитал, что это выступает какой-то Макаевич или Минаевич...

Артистишка вяло брэнчал на гитаре песенку с плохо различимым смыслом...

«Предатели они везде и во все времена на одно лицо... — невольно подумал Кузьмин. — На войне — той, Великой Отечественной войне — я встречал такие же гнусные рожи, как у этого продажного артиста из России, у захваченных в плен полицаев или бандеровцев... Время разное — а сущность одна... В бою они с предателями разбирались просто — пуля в лоб, чтоб не воняли больше на нашей земле — и весь разговор!»

Со стороны соседней комнаты через неплотно закрытую дверь послышался шум, возбужденные голоса карателей:

— Не хочешь уважить украинских хлопцев, москаляка!.. Так мы заставим!

— Не надо! Не делайте этого! Дедушка!!! — различил старик отчаянный зов Оли.

«Что творят они с ней, фашисты! — все перевернулось в душе Ивана Сергеевича. Страх за внучку, лютая ненависть к врагам мобилизовали его старое, дряхлое, больное тело.

Через боль он отжался от поверхности кровати, засунул онемевшую культю левой ноги в протез... Острая резь от раздражения незаживших трофических язв пронизала всю ногу, дошла до сердца. Старик чуть было не закричал от этого дикого страдания, но как семьдесят лет тому назад, на фронте только закусил побелевшие губы, застегнул, преодолевая себя, все замки, ремень протеза. Отступать было нельзя! Старик понял, что наступил час последнего, решающего боя в его долгой жизни.

Задрожавшей рукой вытащил из тайника наган, взвел курок. Посидел буквально мгновение на краю кровати пока не исчезла дрожь в руках, ушло головокружение...

— Дедуля!!! Помоги!!! — опять донесся сквозь шум борьбы из соседней комнаты слабеющий голос внучки.

Сцепив зубы, рывком старый фронтовик все-таки встал на ноги и, тяжело покачиваясь от стреляющей фантомной боли в культе, направился на помощь Оле.

В соседней комнате Иван Сергеевич застал следующую картину: пьяные сотник и Микола вдвоем на раздвинутом диване срывали остатки одежды с отчаянно сопротивляющейся насилью внучки.

Старик направил дуло револьвера в сторону обезумевших насильников:

— Оставьте ее в покое, изверги! Иначе перестреляю вас, фашисты!

Микола обернулся первым в сторону старика, в его налитых кровью глазах промелькнул страх:

— Дид, не надо! — и молодой каратель со спущенными штанами отодвинулся в сторону от распростертой на диване обнаженной девушки.

Сотник тоже посмотрел в сторону Кузьмина и угрюмо ухмыльнулся:

— Да, его пушке сто лет, она не выстрелит! А вот моя не подведет! — Каратель потянулся рукой к пристегнутой на поясе кобуре с пистолетом...

Первый выстрел из нагана старика продырявил лоб сотника. Из образовавшейся черной дыры немного выше глаз хлынула темная густая кровь в смеси с чем-то еще... Насильник захрипел и отвалился в сторону от Оли.

В руках Миколы блеснуло лезвие откуда-то появившегося ножа, он приставил его к шее внучки, закричал:

— Зарежу девку, только шевельнись, москаль!

Звук второго выстрела гулко отразился от высокого потолка, стен «сталинки»... Черная кровавая дыра возникла посредине лба молодого карателя, нож выпал из его ослабшей руки...

Силы покинули и старика. Боль, исходящая из больной культы, пронзила его беспощадно. Иван Сергеевич зашатался, готовый упасть... Оля успела подхватить его, подставив свое хрупкое плечо:

— Дедушка! Держись! Пойдем в постель!

С трудом внучка довела Кузьмина до кровати, освободила окровавленную культю от тисков тяжеленного протеза, уложила старика.

— Как ты, дедушка? — заботливо спросила Оля, видя, как слабея, опускаются веки его глаз.

— Спасибо, внучка...

— Как ты метко попал им обоим прямо в голову! И даже меня не зацепил, спас...

Они же хотели меня изнасиловать, нелюди...

— Как я мог промазать — на фронте в разведроде был снайпером,— прошептал слабеющий старик.— Ты не задерживайся здесь — соседи похоронят... Уходи в сторону Донецка к ополченцам... Здесь тебе оставаться очень опасно... А я свой последний бой выиграл....

Старик выдохнул последний раз и обмяк...

— Дедушка, дедушка, не умирай! — Оля пыталась остановить уход фронтовика в мир иной... Но, видно, его час пробил...

* * *

По безлюдным улицам разбитого захваченного украинскими военными Славянска осторожно, перебежками, по направлению на восток продвигалась одинокая девичья фигурка. В руке Оля судорожно зажимала дедов наган. В этот вечер только неожиданно налетевший шквальный ветер, поднимавший столбы пыли или праха от разбомбленных зданий свободно гулял по закоулкам некогда цветущего рабочего города Новороссии...

Ирина Кедрова
(г. Москва)

УКРАИНСКАЯ ВОЙНА

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России, Академии российской литературы, Творческого клуба «Московский Парнас».

Гриша — шестилетний пацан — проснулся ранним утром, приподнялся на кровати, стоявшей у окна, оглядел комнату, громко крикнул «Ма-а-ма!», сообщая криком, что он проснулся и ждет ее. Никто не отозвался. Тогда он на коленках уселся на кровати и стал высматривать мать в окно.

Его взору открылся чудный сад: яблони отцвели, и на ветвях зреют зеленые яблочки, пока еще совсем малюсенькие. Темно-красные вишни завлекают кислосладостью. Вдали виднеется грядка малины: самая любимая ягода мальчика! Папа всегда ест малину с молоком, Гриша пробовал, однако ему больше нравится без всяких добавок. Пальчиками берешь малинку с блюдца (с куста мама не разрешает), кладешь в рот, прижимаешь языком к небу, и сок выливается. Вкусно!

Среди ягодных кустов стоит небольшой пруд — папино сооружение, окаймленное разными камнями, темноводное. Мама опасается: вдруг сын в воду свалится. Требует от папы, чтобы тот изгородь поставил.

— Что смеешься? — сердито выговаривает отцу. — Вот провалится Гришка в пруд — будешь локти кусать.

— Так чому, Галка, вин повинен провалиться? — отвечает папа, упирая на свою любимую мову, украинскую речь, значит, вставляя в нее русские слова, которых набрался от мамы и от соседей. — Грицко — хлопец смышленный. Знае, де можна стояти.

— Ты, Данило, вроде умный человек. А не думаешь. Мальца от глупости не бережешь. Вот встанет на тот край, — мама протягивает руку в сторону пруда и показывает пальцем на самый большой камень у его края, который и в самом деле пацана привлекает (так и хочется на тот камень встать да с него спрыгнуть в воду к лягушкам, что в пруду живут и квакают вечерами). — Ты так на меня не смотри: встанет и спрыгнет! — утверждает мама. Потом резко поворачивается и спешит к дому, призывая: — Гришаня, беги, малец, сюда!

Жизнь у Гриши замечательная, потому что он всех любит, и его любят все!

Мама когда-то приехала к папе из далекого города Тамбова. Он туда ездил на соревнования, там и приглядел местную спортсменку-лыжницу. Веселая стройная девушка, в ярко-красной шапочке со смешно прыгающим помпоном покорила папино сердце, потому он настойчиво и быстро уговорил ее поехать с ним в его родные края. Она сразу понравилась всем в селе. Помимо веселости оказалось, что Галина, так зовут маму, — женщина с сильным характером. Как мама скажет — так и станется.

Папа в этом селе прожил долгую-долгую жизнь. Уезжал лишь в армию. Он и

трактор водит, и машину. В небольшом гараже стоит у папы автомобиль, ласково называемый «шестерочкой». Инженером папа работает. Что за работа такая, Грише пока не ясно, только и знает: с техникой отец возится на станции. Соседи уважительно к нему обращаются, величая Данило Григорич.

Григорий — так звали дедушку, которого мальчик видит на фотографии в родительской спальне. Там на стене висят две большие фотографии в деревянных рамках — дедушки Гриши и бабушки Ульяны. Где они, ему неизвестно. Взрослые говорят странное и немного страшное слово — умерли.

Гриша не знает, что это слово означает. Мама как-то объяснила: «Уехали они, сынок, в другой мир — улетели на небо. Вон на облачке сидят и на нас с тобой глядят». Конечно, надо бы уточнить — уехали или улетели? А еще хочется увидеть бабушку и дедушку на облаке. Но сколько Гриша голову ни задирает — никак не увидит. Наверное, слишком высоко висит то облако.

У Гриши много дел. Есть у него пес Полкан и кот Звир. С Полканом можно весь день играть: тот радостно крутит хвостом и счастливо лижет лицо мальчика, бегает за ним по саду и улице. С ним не страшно и увлекательно. Например, можно громко крикнуть: «Ко мне, Полкан!» И пес сразу прибежит, плюхнется на задние лапы и выразительно смотрит, ждет косточку в награду. Или уляжется рядом с песочницей, когда Гриша копает в ней карьеры и строит туннели, сквозь которые проводит поезда из кубиков. Лежит пес и наблюдает: время от времени глаза его закрываются, однако в любую минуту готовы раскрыться, чтобы удостовериться — с мальцом все в порядке.

Не таков кот Звир: всегда сам по себе. Хочет — ляжет рядом и громко замурлычет. А то и не подойдет, хвостом взметнет и скроется с глаз. В семье Звир выделяет маму Галю. Они вместе в этот дом жить пришли: молоденькая мама и маленький котенок, которого папа принес от соседей ей в подарок:

— На, Галка, захисника! Бач, як сичить, кигти яки! Звир! — сказал он маме. И мама, осваивая местные речевые обороты, так и зовет шипевшего тогда котика-защитника «Звир».

Село, в котором они живут, считается большим и богатым.

Впрочем, односельчане по-разному устроились. Недалеко от Гришиного дома возвышается за высоким кирпичным забором двухэтажное строение, хозяева которого редко появляются. Когда же они приезжают, целыми днями звучит веселая музыка, не прекращаются хохот и горячие споры. Мама мечтает, что они с папой такой же дом построят и заживут, как люди. Так мама говорит, хотя непонятно Грише, чем ее не устраивает их дом.

У них замечательный дом, хата, как многие здесь говорят. Хотя и в один этаж, да можно по лестнице забраться на чердак и в чердачное окно увидеть длинную, в высоких деревьях, улицу, окаймленную с обеих сторон такими же, как у них, домами. Весною мама обмазывает стены глиной, потом белит, и дом становится светлым и нарядным.

Внутри из сеней попадаешь в кухню с большой белой печкой, с дубовым шкафом для всяческой посуды и с огромным столом, за которым семья обычно обедает. Из кухни в одну сторону раскинута большая комната — гостиная, папа называет ее витальной. Соседи часто в витальню заглядывают. В селе принято навещать друг друга, вместе радоваться и угощаться плотным застольем. Иной раз мама жалуется папе:

— Ой, Данило, у нас в Тамбове так не живут.

— Звикай, Галка, — примирительно наставляет папа, — мени сорому не треба. Нехай вси бачать: Данило — господар мицний: нагодувать-напоити якого може.

И мама со временем привыкла, блюла мужний наказ — любого напоить-накормить, дабы стыда не испытывать. Со временем сама из тоненькой девушки пре-

вратилась в дородную женщину. Впрочем, мама у Гриши — самая красивая и лучшая мама на свете!

Из кухни же можно пройти в дитячью комнату — небольшую, всего-то в ней умещаются металлическая кровать, детский столик, двустворчатый шкаф, этажерка с книгами и игрушками, да комод с детскими вещами. Прежде здесь жила баба Ульяна. Теперь Гриша хозяйничает. Сначала боязно было одному на ночь оставаться, однако привык быстро. Он же — большой хлопец, на будущий год в школу пойдет.

Из гостиной ведет дверь в родительскую спальню. Страсть как интересно мальчику в этой комнате. Не от вещей, нужных взрослым. Здесь в выдвижном ящике хранятся альбомы с фотографиями мамы и папы. Вот свадьба: мама, красивая, в белом платье и папа в строгом костюме, народу — все село. Вот они вдвоем под яблоней в саду сидят, мама с большим животом, в котором он — Гриша — тогда жил. Как он там помещался?

В альбоме много фотографий деда Григория и бабы Ульяны, а еще есть совсем старая фотография папиного деда, и тоже Григория. Тот в войну в партизанском отряде сражался за родной край против фашистов. Слова не совсем понятны: фашисты, партизаны, война, но Гриша знает: напали на наш дом злые люди, всех хотели убить, а папин дедушка встал и не пустил в дом злых людей. Партизанский отряд — это отряд таких же храбрецов, не пустивших злых людей в свои дома. Папин дедушка погиб, в его честь был назван папин папа, а потом и Гриша. Он тоже станет партизаном и никого в свой дом не пустит: маму с папой защитит от злых людей!

Улыбается Грише со старой пожелтевшей фотографии молодой хлопец, моложе папы. Хорошая улыбка — добрая. Непослушный вихор надо лбом, совсем как у Гриши. Мама, причесывая сына, непременно говорит: «А мы его (вихор, значит) аккуратноненько уложим. Ну что ж он такой непослушный?» — сокрушается. Грише кажется, что мама говорит о его вихре, как о живом существе. Он и сам приглаживает волосы, да толку в этом действии нет, поскольку вихор всегда вздыблен.

Папа же сыновним вихром страсть как доволен. «Вирно,— говорит он,— не може пацан пригладженим бути. Як його ни пригладживай, ни утюж, вин все одно непокирним залишитися».

Сейчас папы дома нет. Он, как его дедушка, на войну ушел. Что за война такая, мальчик не знает. И где тот партизанский отряд, в котором должны находиться защитники от злых людей? Живут они теперь с мамой одни. Мама наказала, чтобы он никому не говорил, где папа, Только говори — не говори, все соседи знают.

— И чего он, Галка, удумал? — спрашивает маму ее подруга-соседка тетя Тая.— Что мы сделаем? У Киева во какая сила!

Мама отмалчивается, но Гриша знает, сильно за папу боится. Хочет, чтобы тот скорее домой вернулся.

Время от времени далеко-далеко за селом раздается мощный гром, прежде Гриша такого не слышал, один раз с грохотом упала с неба на поле, раскинувшееся между селом и лесом, какая-то пушка, снарядом называемая. Все взрослые этой пушки испугались и попрятались в подвалы домов.

И Грише немного страшно, только сильнее страха интерес: что дальше будет? Потому не хотелось ему спускаться в подвал, когда мама, лицом побелев, схватила сына за руку и потянула вниз по скрипящей лестнице.

Сколько долгих дней длится война. Гриша терпеливо ждет ее окончания, однако больше ждет возвращения папы домой. Когда тот неожиданно появляется, мама плачет и непрестанно твердит, что надо отсюда уезжать. Она уговаривает папу ехать в Тамбов, к бабушке Свете, но ни папа, ни Гриша уезжать не хотят. Папа возмущается:

— Чому я повинен бигти зи своєї землі? Галочка, все владнається. Побачиш: ми переможемо.

Мама не верит, что они благополучно переживут это страшное время, и почти кричит, что здесь ничего не образуется, что надо спасаться, и спасти сына. А Гриша, как и папа, не хочет никуда уезжать. Разве можно оставить Полкана и Звирия? А игрушки? Недавно ему подарили здоровскую железную дорогу с паровозом и вагонами! К тому же он знает: папа из родного края не уедет. Разве можно оставить папу?

Соседи тоже говорят об отъезде и тоже никуда не едут. У каждого в душе греется надежда: победят ополченцы, которых почему-то зовут противным словом «колорады».

Гриша услышал это слово от солдата, который пришел в их дом папу искать. В селе тогда переполох начался. В каждый дом солдаты с автоматами наперевес заходили и спрашивали, где мужики. Мама накрепко велела ему молчать, ни с кем не разговаривать.

Вошел солдат в их дом, прошелся по комнатам, не говоря ни слова, вернулся на кухню, прочно уселся на табурет. Мама перед ним встала, и Гриша перед ней. Защищать маму решил, хотя на всякий случай сам к ней прижался. Стоит, голову опустил, боязно посматривает на солдата. Приглянулись ему солдатские сапоги: большие размером и высокие. В таких сапожищах нигде не страшно оказаться, даже в огромной луже.

— Де ж твий чоловік? — строго спрашивает солдат.

— Так в командировку уехал, — решительно отвечает мама.

— Яка така видрядження? — выспрашивает солдат. И, глядя в глаза Грише, уточняет: — Де твий папка, пацан?

Гриша молчит, вжимается в материнскую юбку.

— Что ты к пацану пристал? Сказано: уехал он, — срывается мама.

— Сама-то з Росии? — выспрашивает солдат. Долго молчит, затем со вздохом продолжает: — У мене там сестра живе.— Опять молчит. Встает и направляется к двери со словами, — Ци невгамовни колорады.

Уходит.

Мама с криком «О-ох» буквально сваливается на тот же табурет и громко плачет.

— Мама, мамочка, — причитает Гриша, — не плачь. Дядька ушел, он не придет больше. Я тебя защиту!

И где знать этой женщине и этому пацану, что солдат, который на самом деле многолетней службой в армии дослужился до старшего прапорщика, в тот момент уже не в первый раз вспоминает свою счастливую сеструху, умчавшуюся пять лет назад к мужу в российский город Владимир. Вспоминает, как сам он в прошлом годе навещал сестру, с зятем познакомился. Ездили они на рыбалку и анекдоты под водочку с наваристой ухой травили. И было ему в том Владимирском доме уютно и радостно. Не нравится старшему прапорщику то, что теперь россиян и тех, кто за дружбу с ними, зовут колорадами, жуками, значит, колорадскими, поскольку носят те георгиевские ленточки в знак единства с Россией. Да что поделаешь? Время такое неясное. Служит он Украине, борется за ее мощь и целостность, а в способах борьбы, с градами да бомбежками, сомневается.

В селе же, в котором жило много русских, грелись надеждой, что Россия поможет, своих не оставит.

А Гриша — он кто? Мама — русская, папа — украинец. Местные шутят: хохол с кацапкой.

— Ти у нас, — смеется папа, — кацапистый хохол, або хохлистый кацап.

Мама таких шуток не принимает.

— Прекрати, — выговаривает отцу. — Чему ребенка учишь?

— Так чому, Галка? Народни призвиська живучи. Приймай з гумором. Ти ж у мене сама хохлистая кацапочка.

Папа прижимает маму к себе, звонко целует в щеку, подмигивает сыну. Мама пытается вырваться из папиных крепких рук, но не слишком сопротивляется. А Гриша видит: они любят друг друга. И это здорово, когда так хорошо! Он же будет русским, как мама, и украинцем, как папа.

И совсем не мешают ему прозвища, которые взрослые придумали. Хохол — это, конечно, от чуба, что на голове. Таким чубом гордится каждый взрослеющий парень в селе. Еще у них на полке стоит скульптура, так мама ее называет. На той скульптуре сидит мужик на пне. Сам в широченных штанах, в белой рубашке, окаймленной по горлу и рукавам красной вышивкой. Поверх рубахи надета теплая безрукавка. Голова мужика — лысая, только длинно-тонкий чуб свисает. На лице выделяются мощные усы, спускающиеся книзу. На ногах у мужика высокие сапоги, гармошкой собранные. Сидит он, а рядом петух прохаживается. Смешно Грише становится, когда он ту скульптуру рассматривает. Мама ему сказала, что раньше, давно-давно, украинские мужики так ходили.

Другое дело — кацап. Тут не ясно, отчего такое прозвище придумано. Может, от козла? У соседей есть козел. Ходит по селу, трясет длинной бородой. Дядько Миха его на веревке водит и, замахиваясь хворостиной, прикрикивает: «Ах ти, козел, скотина безсовисна!» А еще зовет его: «Цап! Цап!» Так нередко в селе зовут козлов. Соседский козел — симпатичный. Грише нравится, хотя он к нему близко не подходит: рога у козла страшные. Еще мальчик с малых лет помнит веселую игру. Мама приговаривала: «Идет коза рогатая за малыми ребятами. Кто каши не ест, кто щип не ест — забодает-забодает». И с последними словами шекотала Гришу, а тот заливался смехом.

Теперь, в слове «кацап» ему слышится, что кто-то зовет: «Цап, цап!» А папа разъяснил, что раньше все русские с бородами ходили, напоминая малороссам бородатых козлов. Только мама, которую папа иной раз называет кацапочкой, совсем на козла не похожа. Ну, никак!

Летнее утро предвещало жаркий день. Гриша, смотревший в окно, вдруг услышал странный стон Полкана. Тот сидел у кровати, поджав хвост, смотрел на мальчика и тихо повизгивал.

— Мама,— позвал мальчик,— мама! — крикнул он громче.

Никто не ответил, наверное, ушла кормить кур, его не разбудила. Грише нравится кормить кур. Раскидываешь перед собой зерно и приговариваешь: «Цып-цып-цып, кушайте, хохлаточки!» Куры квохчут довольные. Мама весело пропевает: «Куры клюют, петухам не дают». Впрочем, их петух, которого в семье прозвали задирой, сам отберет зерно у кур. Петух у них что надо! Классный боец! В селе его побаиваются даже парни старше Гриши.

Мальчик слез с кровати и отправился на улицу в поисках матери. Вышел в сад, прошел на хозяйственный двор. Здесь стоят баня и сарай, в котором обитают куры. Чуть подальше расположился папин гараж, в нем же и мастерская, где они с папой чинят старенький «Жигуль». Гриша всегда с радостью копается в отцовых инструментах и представляет, что скоро сам соберет настоящую машину и подарит родителям.

В тот момент, когда он проходил по двору, раздался мощный грохот, переросший в оглушительный свист. Земля задрожала. Еще гром и свист, и колыхание земли, и снова гром и свист.

Крыша соседнего дома провалилась внутрь, в стене образовалась огромная дыра, из которой с криком выскочила в горячей одежде тетя Таня, мамина подружка. Пламя охватило женщину, и повсюду распространился удушающий запах. Огонь пожирал соседский дом.

Гриша остолбенел. Не слышал очередного залпа, не видел взрыва, разметавшего землю и строения вокруг. Мощная волна вскинула его, отбросила к деревянному забору. Накатила внезапно темнота.

Спустя какое-то время мальчик открыл глаза. Он лежал на земле, головой вжавшись в доску. Попробовал встать. Не смог. Боли не чувствовал. Слабость овладела им, уже и рука не шевелилась. «Мама!» — чуть слышно прохрипел мальчик и провалился во тьму.

Очнулся Гриша, как ему показалось, быстро. Встал. Что-то в нем изменилось: удлиннились руки и ноги, тело приобрело силу и взрослость. Шагнул, и шаг оказался раза в два больше, чем прежде. Мощный чуб качнулся от встряски головы. Огляделся.

Рядом с ним на земле лежал маленький мальчик с вывороченным животом, отброшенной назад головой и согнутыми в локтях руками, прикрывающими живот.

Вокруг стояли стон и смрад, догорал соседский дом.

Их дом резко накренился, крышу снесло, рядом хлопала сарайная дверь, а вместо сарая раскинулась воронка, на краю которой лежала мамина туфля. Подошел к дымящейся воронке и увидел на дне ее, среди комьев песка и земли, кусок маминого платья. Возникшая внутри Гриши тошнота, готовая вырваться наружу рвотной массой, быстро исчезла, словно ему запрещено что-либо ощущать. Он, непонятно почему, превратился в стороннего наблюдателя, который все фиксирует, да не чувствует.

У двухэтажного дома, чудом устоявшего, только балкон повредило. На земле валяются бетонные блоки забора, одиноко стоит кирпично-белый толстый столб, который прежде соединял эти блоки. Неподалеку висит фрагмент перебитого пополам бетонного столба: часть бетона со столба слезла, и оголилась металлическая арматура.

Григорий пошел по улице вдоль покосившихся и горящих домов, с ужасом рассматривая окружающее. Осколками пробитый деревянный забор розового цвета забрызган кровью, на заборе и около него разбросаны, он догадался, куски человеческого мяса. Рядом валяется мужская нога.

Опять разрушенный дом, во дворе которого брошены грабли и корыто, дымится летняя металлическая печь. Догорает перекоженный «Жигуленок». Рядом суетится мужик, наверное, хозяин автомобиля.

Испуганные соседи, кто пробегает, кто медленно проходит мимо, не замечая Григория.

Женщины голосят, то и дело хватаясь руками за головы, будто стараются свои головы, качающиеся из стороны в сторону, удержать на плечах. У некоторых на лицах запекшаяся кровь и порезы, руки изранены, одежда рваная и обгоревшая. Многие из них сосредоточенно бродят по дворам и огородам, отыскивая среди разбитого кирпича и головешек разбросанные людские останки.

Одна из женщин, лет сорока, с безумными глазами бьет в покосившийся забор, не чувствуя боли рук, по всей видимости, не сознавая, что делает. Другая, лет тридцати, сидит на земле, выставив перед собой обожженные ноги, не замечая, что платье разорвано на груди и свисает лохмотьями. Она тупо смотрит на догорающий дом и прижимает к груди годовалого ребенка, который исходит криком.

Мужчины, тоже с расцарапанными лицами, с обожженными руками и ногами, сжимают зубы и молчат, время от времени выговаривая слова, которые Гришина мама всегда запрещала папе говорить. При мысли о том, что мама папе что-то запрещала, Григорий подивился: как в нем сейчас уживаются два состояния — ребенка, которым он только что был, и взрослого человека, которым он себя все более ощущает.

Кто-то на его пути, не говоря ни слова, заворачивает в простыню тело старой

женщины и несет трагическую ношу в тень под дерево, спасая от жаркого солнца. Подумалось: не все ли равно мертвому, где лежать — под солнцем или в тени?

Остановилась прибывшая машина скорой помощи, на которой крупными буквами написано: «Швидка медична допомога». Удивился Григорий: он прочел эту надпись, хотя только что начал изучать с матерью буквы.

Медики в светло-голубых легких костюмах сразу приступили к оказанию помощи: промывают и бинтуют раны пострадавшим, делают уколы для снятия болевого шока, вводят сыворотку против гангрены, ставят шины на перебитые кости. Двоих принесли к машине на носилках, чтобы скорее увезти в больницу.

Односельчане стараются помочь тем, кто сильно пострадал. И только с ним никто не разговаривает, будто его не видят.

Внезапно перед Григорием встал старик, чем-то ему знакомый.

— Ну вот, — говорит старик, — опять ты, Григорий, на земле не удержался. Я-то думал: в этот раз до старости доживешь.

Григорий смотрит с недоумением на незнакомца, а тот продолжает:

— Что, брат, не узнал? Вспоминай. Мы ж с тобой в сорок третьем фашиста били.

И тут, наконец, Григорий понял: он умер.

И вспомнил. Перед ним стоял фронтовой друг Серега. Только значительно старше, чем тогда, когда они вместе сражались в партизанском отряде. Было это в Отечественную войну. Видно Серега еще долго жил после войны, коль предстал сейчас не двадцатилетним бойцом, каким вспомнился, а стариком семидесяти лет.

Память крепка в заживленном пространстве, которое люди называют загробным. И с переходом Григория в это пространство включилась та память. Переход происходит медленно, дабы душа освоилась с новым состоянием. И память медленно, будто по каплям, раскрывала Григорию то, что было скрыто от него на земле.

Григорий, когда началась война с фашистами, жил в Ворошиловграде. Этот город раньше назывался Луганском, да в середине тридцатых годов власти переименовали его в честь Климента Ворошилова, Героя гражданской войны, маршала и наркома обороны великой страны. Никто в те времена и помыслить не мог о злой роли, что сыграл Ворошилов в судьбе многих репрессированных и расстрелянных. Был город Луганск, стал Ворошиловград. Прежнее название жителям милее казалось, да что поделаешь, коли строилось новое — счастливое — будущее советского народа.

В грандиозную стройку вмешалась война с фашистами.

В сорок первом Григорию исполнилось девятнадцать лет, работал слесарем паровозного завода, потому сразу получил броню. Только броня ему не нужна, хотелось на фронт. Не успел. Летом сорок второго фашисты взяли город, и Григорию довелось жить в тяжких условиях.

Оккупанты молодых людей вывозили в Германию, в качестве бесправной рабочей силы. Чтобы не попасться, пришлось ему прятаться в подвале заброшенного дома. Ох, и стыдно было там сидеть да каждого шороха бояться. Однако мать, к тому времени потерявшая мужа и старшего сына, надеясь младшенького спасти, слезно молила его потерпеть.

Может, так и сидел бы Григорий в подвале, если б не расправы над горожанами.

Как известно, немцы не любили евреев. Вывешенное на всех городских столбах распоряжение новой администрации утверждало: «Жыды лишаются всех прав: гражданских, имущественных и других». Евреев обязали носить на рукавах повязки с шестиконечной красной звездой. Им, странное дело, предписывалось: по тротуарам не ходить, передвигаться по булыжной мостовой. В любое время дня и ночи в еврейские жилища врывались немецкие солдаты и местные полицаи, отбирали еще не сланные власти ценности — дорогие украшения, уникальную посуду, мебель, сле-

ланную из редких пород дерева. Словом, жизнь значительной части городского населения висела на волоске.

И вдруг, в начале ноября, власти заявили о намерении перевезти евреев на самолетах в Палестину. Им предписывалось собраться на знаменитом городском стадионе, до войны носившем то же имя — Ворошилова. Каждой перемещаемой семье разрешалось взять с собой лопату для сельских работ, продукты на три дня и вещи весом не более трех килограмм. Большинству евреев, конечно, не хотелось покидать родные места, однако в переезде они видели спасение. Многие полагали: там, в далекой Палестине, обретут они свободу и покой, начнут новую, может даже счастливую, жизнь.

Словом, ранним утром горожане двинулись к назначенному месту. Первые опасения появились у людей, когда подходили к стадиону, территория которого оказалась огороженной колючей проволокой. Вдоль быстро возведенного ограждения расхаживали автоматчики, грозно рычали с трудом удерживаемые черные собаки. У входа стояли грузовики, обтянутые брезентом. Уйти уже не было никакой возможности.

Пришедших загоняли в машины и увозили.

Опасения усилились, когда их привезли на широкое загородное поле. Люди отказывались покидать грузовики. Тогда в машины запустили злобных собак. Испуганные бедолаги, недавно мечтавшие о спасении в Палестине, оказались перед выбором: быть смертельно покусанными или выскочить в неизвестность.

Высочивших из грузовиков подростков отводили в сторону. Взрослых заставляли раздеваться догола. Тут же полиция укладывала приличную одежду в коробки, остальную бросали в костер. Солдаты отбирали у страдальцев золотые украшения — цепочки, кольца и серьги. Затем обездоленных и обобранных людей заставляли прыгать в глубокий ров. Маленьких детей выхватывали из рук матерей и бросали в окоп. Взрослых и детей тут же расстреливали. Подростков заставляли закапывать убитых, а затем добивали и их.

Прибывала новая партия и все повторялось. Расстрел протянулся до позднего вечера.

Через два дня расправа повторилась. Хватали и увозили за город тех, кого подозревали в сопротивлении и в неприятии новой власти,— женщин, детей, стариков, больных, евреев, русских, украинцев. Спаситься от бойни не мог никто.

Григорий волею судьбы оказался свидетелем убийства горожан.

После материнского рассказа о первой расправе, он решил уйти в партизаны. Ранним утром в темноте, когда готовилась повторная расправа, пробрался по темным улицам, прижимаясь к домам и заборам. Потом продирался сквозь кусты, вдоль оврагов и ям, пригибаясь и припадая к земле. Бежал, согнувшись, полз по земле. Когда рассвело, оказался у кургана, названного Острой Могилей.

В районе этого кургана в Гражданскую войну велись отчаянные бои Красной Армии против белогвардейских отрядов Деникина. Даже окопы сохранились с тех времен. В тогдашнем противостоянии жители Луганска, поддержавшие красноармейцев, выстроились в многокилометровую живую цепь от патронного завода до поля битвы. Женщины, дети и старики передавали друг другу ящики с только что изготовленными патронами. Не было возможности привезти патроны к полю битвы на подводах: из-за долгих проливных дождей дороги превратились в непролазную грязь, и подводы застревали.

В том сражении победу одержали деникинцы, и за несколько дней своей власти они расстреляли на Острой Могиле тех, кто стоял в живой цепи.

Новые хозяева города сюда же свезли на растерзание около двух тысяч человек. Григорий лежал в колючих кустах на пригорке, боясь пошевелиться, опасаясь, что его обнаружат оголтелые псы или опьяневшие от крови и безнаказанности фашисты. Он слышал автоматные очереди, лай собак, истошные крики, просьбы о пощаде, детский плач.

Видел страшную расправу. Фашисты ломали детям руки и ноги, выкалывали глаза, выворачивали шеи, взрослых били, кололи в животы, кромсали лица, у женщин отрезали груди. Обреченно прыгали страдальцы в окопы, тех, кто не мог двигаться из-за произведенного над ними насилия, сбрасывали. После очередного расстрела фашисты добивали раненых единичными выстрелами.

Затем прибывала новая партия. Все повторялось снова и снова до позднего вечера.

Когда в темноте ночи стихли крики и стоны, душегубы покинули место казни. И Григорий поспешил убраться со страшного места. На второй день блуждания по лесу и обезлюдившим селеньям отыскал партизан в забытом Богом овраге — глухом и темном, поросшем колючим кустарником, и те подивились: парень-то молодой, а виски белые. Седина страха улеглась на его голову.

Как-то само собой получилось, что проживший долгую жизнь Сергей и вернувшийся к прежнему возрасту Григорий перенеслись из пострадавшего села на небольшой остров, омываемый плавной скользящей рекой. На этот остров местные жители редко заплывали, а последние месяцы вообще сюда не заглядывали.

Развели костер. Поставили над ним рогатину, на которую подвесили откуда-то появившийся солдатский котелок. В котелке заварили большую рыбину. Аромат наваристой ухи бил в ноздри.

Словно не было никаких взрывов, смертей, странных превращений и неожиданной встречи. Просто два друга устроились у костра после удачной рыбалки.

Григорий, который никак не мог отойти от случившегося, в основном молчал, сидел и смотрел на траву перед собою. Сергей же, поддерживая друга, взял на себя костер и уху. Подкладывал в огонь толстые сучья, следя за тем, чтобы огонь не стихал, но и не шибко разгорался. Помешивал уху деревянной ложкой, пробовал на вкус.

День медленно клонился к вечеру. Река, блестящая на солнце, приобрела вечернюю задумчивость и таинственность. Временами из воды выпрыгивали рыбины, охотившиеся на мошкарку. Подквакивали загулявшие лягушки. Комары пронзительно высвистывали свои задиристые песни. Солнце спускалось к лесу, раскинувшемуся вдали. Прохладный ветерок то и дело пробегал, проверяя, что творится на отведенной ему островной территории.

Друзья видели и не видели того, что происходит вокруг. Оба находились в мире, раскинувшемся между жизнью и нежизнью. В таком состоянии еще сохраняются человеческие ощущения, слышны звуки и запахи, ощущаются тепло и прохлада, усматриваются детали земной природы. Однако этим ощущениям уже сопутствует потустороннее бесчувствие, свойственное душе, превращающейся в наблюдателя земного мира.

Один сюда пришел из заживленного пространства, другой — из жизни. И оба не замечали странностей: появления костра, котелка с рыбой, деревянных ложек, буханки хлеба и фляги со спиртом. Все было так, как в далекие военные годы, разве только тишина, не свойственная войне, их окружала.

— Как ты жил, Серега, после войны? — спросил Григорий.

— Да нормально. Как все. Осколочное ранение перенес, как у тебя было. Вернулся в Тамбов, — помолчал, помешивая варево, продолжил. — Это что? Другие пришли с войны без ног, без рук, а я — здоров, как бык. Женился. Татьяна моя — золотая

женщина! Как говорят на Руси: бой-баба. И коня на скаку остановит,— перефразировал он широко известные слова поэта,— и в избу, коль ей надо, войдет. Мы с ней дом поставили, почти в центре города. Вокруг пятиэтажки городские, а мы будто в поселке живем — с садом и огородом. Детей народили. Четверых. Младшая — Светка, твоя, между прочим, бабушка. Она и сейчас в том доме живет.

Сергей хмыкнул, поскольку странное дело получилось: Григорий — и друг его молодости, и внук его дочери.

Вернувшись с войны, рассказывал Сергей, выучился на бухгалтера, устроился на завод. Там и встретил Татьяну. Жили трудно, и все же хорошо. А еще всю свою жизнь помогал он Оксане растить сына.

— Она ведь родила, Оксана твоя,— говорил Сергей, слегка захмелев,— в сентябре родила. Когда ты погиб, вернулась в деревню, сына твоим именем назвала. Замуж так и не вышла. Все шутила: «Где мне такого чубатого сыскать?» Сын твой росмышленным парнем. Институт закончил, кажется московский, учительствовал в селе. К нам иногда приезжал. Последний раз в девяностом приехал, с женой и с сыном Данилкой. Жену его Ульяной звали. У них трое детей народилось: две дочери, да сын. Ему-то уж сорок исполнилось, когда Данилко родился. Ульяна его с нашей Светкой сдружилась.

На этих словах умолк Сергей. Сбивчиво говорил: спешил скорее другу рассказать, о том, как его родные жили. О своих вспоминал. Светка время от времени ездила под Луганск — в гости к Ульяне с Григорием. Нравилось ей там гостевать, и внучка Галка, Светкина дочка, с Данилкой дружила.

В начале девяностых распался Союз. Украина, как и другие республики, стала отдельным государством. Однако не мешало это дружбе русских и украинцев: многое связывало — и дух славянский, и корни общие, и, главное, осиленное вместе испытание войной.

Тут подошло время его прощания с родными, в середине девяностых ушел Сергей с Земли. Однако своих не оставлял, потому знал, как они дальше жили. В конце века и Татьяна завершила земной путь.

Выросла Светкина дочка, превратилась в красивую девушку. Еще в школе увлеклась спортом, лучшей лыжницей города стала. Как-то приехал в Тамбов Данило, и увез Галку к себе.

В селе к Галке относились по-доброму. Однако за пределами села все чаще стлкнувалась она с неприязнью. Слышала обидные слова о том, что русские — лентяи, грязнули, что все хотят загарбати, то есть заграбастать, даже Крым. Только украинцы, говорили ей, свой Крым ни за что москалям не отдадут. Возмущалась Галина такими разговорами, горячилась, доказывала мужу, что Крым еще в восемнадцатом веке, при матушке Екатерине, кровью русских солдат полит был, что Севастополь — исконно русский город.

— Ты, Галка,— останавливал ее Данило,— не горячкуй. Все влаდება. Яка ризниця, чий Крим? Не у чужих вин. Про Севастополь ми домовилися. Там російський флот стоить.

Успокаивал он жену, однако и сам не понимал, как случилось, что между русскими и украинцами вражда образовалась. В трудный момент решился выступить против тех, кто вражду, как он думал, усиливал.

Понятен этот поступок Сергею. Горячо переживает он последствия той вражды. Здесь, в украинском селе, сегодня завершили земной путь его внучка и правнук, в теле которого обреталась душа фронтового друга. С правнуком-другом он встретился, чтобы поддержать того во время перехода в заживненный мир. С внучкой встретиться нельзя: тело ее полностью уничтожено снарядами. Придется душе какое-то время искать подходящее тело, чтобы по земле пройтись и с землею проститься.

Григорию повезло. Его прежнее тело как раз на этом острове уложено. И хотя много лет с тех пор прошло, энергетика того тела сильна, потому и держит его еще на Земле.

Григорий, слушая друга, размышлял. Он понял, что перед ним близкий человек, вернее душа, обретшая ради него прежний земной облик. Но почему друг не только о нем помнит, но и знает о том, как жилось людям после его ухода с Земли, тогда как он, Григорий, ничего о своих родных не знает и не помнит?

Однако постепенно, слушая знакомый голос и внимая другу, он и сам начал вспоминать то, что с ним в прошлой земной жизни происходило, и то, что видел он после жизни.

Оксана — чуть полноватая девушка с льняными косами и голубыми глазами — выделила Григория сразу, как появился тот в отряде. Девушка к тому времени набралась опыта партизанской жизни, знала, за каким кустом прятаться, как по лесу передвигаться, умела любого разговорить да нужные сведения выпросить, остановить кровь, промыть и перевязать рану, развести костер в зимнем лесу, приготовить суп из лесных кореньев. Словом, она покорила его умением приспособиться к любым, даже самым непереносимым условиям.

В деревне, давно занятой фашистами, осталась ее мать. Старшую сестру Оксаны изнасиловали и убили, и мать вековала одна, боясь фашистского сапога да гибели младшей дочери, выпрашивая у Бога защиты ей, себе и всем честным людям.

К тому же девушка была на год старше Григория, а год жизни в то время равнялся нескольким, так что он быстро смирился с ее главенством в их молодом союзе. Месяц отвела им жизнь на пристройку друг к другу. Присматривались, прилаживались, спорили, отстаивали свою независимость, однако оба чувствовали прилив крови, прогон энергетического тока по телу.

Жили партизаны в землянках, вырытых на склоне оврага. В каждой землянке обитало человек по пять-шесть. Спали на деревянных лежаках, установленных в два этажа. В середине жилища, как правило, стоял стол, сделанный из толстого чурбана, перевернутой бочки или из снарядных ящиков. Посуду и другой необходимый для жизни скарб добывали, кто где мог: приносили из дома, заимствовали у местных жителей. Много ли надо партизану в его боевой жизни? Главное, чтобы было, где выспаться и отогреться.

Для обогрева мастерили самодельные печи из больших стальных бочек. Бочку устанавливали вверх дном. В дне, упиравшемся в земляной потолок, налаживали дырку для дымохода. Под бочкой, поднятой на камни, разжигали костер из хвороста. Костер разогревал стенки бочки, и когда те накалялись, в землянке становилось тепло, и даже уютно.

Иной раз забредали к деревенским жителям. И хотя это было опасно, никто не отказывался передохнуть от лесной жизни, а если повезет, то и помыться-почиститься. Главное, вовремя заметить опасность и скрыться.

Согревала партизан и простая крестьянская одежда — тулуп да штаны. К ним добавлялись грубо тканая рубаха, шерстяной свитер да вязаная кофта. Валенки носили особые — с резиной на подошве: и тепло, и непромокаемо. Резину вырезали с разбитой автомобильной шины. Не брезговали также шинелями и сапогами, снятыми с убитых фрицев.

Отряд, который разыскал Григорий, оказался небольшим: всего-то человек двадцать. Среди них четыре женщины: две в возрасте — тетка Павлина и Пелагея Даниловна, молодуха Таисия и Оксана. Павлина и Пелагея пришли в отряд из сожженных фашистами деревень. Фашисты и семьи их уничтожили. Таисия — женщина город-

ская, в начале войны проводила мужа на фронт, через полгода получила извещение о его гибели и ушла в партизаны: мстить фашистам за свою одинокую жизнь.

Оксана среди женщин отряда оказалась самой молодой. Конечно, мужики на нее заглядывались, только девушка никого к себе не подпускала, отделяясь от навязчивых поклонников, где шуткой, где строгим разговором о том, что идет война и некогда непотребством заниматься, где кулаком, который у нее славился такой же крепостью, как и слово.

Мужская часть отряда в основном состояла из сельских жителей, хотя были и городские. Собрались люди, не желавшие подчиняться новой власти. Но и возвращения прежней — советской — власти не все желали. Противником этого возвращения оказался бывший зек — Николай Евгеньевич, отсидевший по пятьдесят восьмой статье за антисоветскую деятельность, а теперь сражавшийся в отряде. Прибился к партизанам карманник-виртуоз, назвавшийся Альбертом. Накануне войны его посадили за кражу, хотя дело о краже не было доказано. В первый месяц войны, когда в тюрьмах усилили режим досмотра за заключенными, Альберт умудрился сбежать. Как — не рассказывал: он вообще мало о себе говорил, еще в мирной жизни привыкнув никому не доверяться. Николай Евгеньевич и Альберт — разные во взглядах и в условиях прежней жизни, теперь объединились и вели с остальными жаркие споры о будущей послевоенной жизни, о трагичных ошибках советской власти.

Прибились к отряду два солдата — молодой Серега да опытный в боевых делах Петр Иванович. Их батальон был уничтожен полностью в июле сорок второго года под Ворошиловградом, пробиться к своим оказалось невозможным из-за быстрого продвижения захватчиков. Вместе выбирались они из окружения. Оба — ярые защитники советской власти.

Серега ушел на войну сразу, только школу окончил. Отец его в гражданскую сражался в Тамбовских лесах с эсерами, звавшими себя антоновцами, по имени своего главаря Александра Антонова, сумевшего привлечь на свою сторону широкие слои крестьянского населения. Крестьяне, не согласные отдавать советской власти последнее зерно, оставленное на посев, вступали в «союзы трудового крестьянства», поддерживая антоновские лозунги «Долой продразверстку!», «Да здравствует свободная торговля!».

Отец Сереги гордился своим участием в разгроме антоновцев, сына воспитывал в духе преданности советской власти, готовя к борьбе за правое дело рабочего класса. «Это ж надо, — не раз возмущался он, — свободы захотели! Торговать, значит, им хочется. А Советская власть, значит, пусть гибнет! Да я их вот этими руками, — он подставлял к лицу сына мощные кулаки, — всех передую». Отец был героем советского времени, в сорок первом ушел в ополчение, да вскоре погиб. Память о нем определяла все действия Сереги, готового бить врагов советской власти и в Красной Армии, и в партизанском отряде.

Петр Иванович, которого в отряде звали Иванычем, Гражданскую войну встретил пятнадцатилетним пацаном, потому военного опыта того времени не имел, зато обладал мощной силой убеждения заводского рабочего, до войны вступил в партию коммунистов и теперь яро защищал идеи и дело партии.

Остальные партизаны — жители близлежащих сел и деревень, занятых фашистами, — пришли в отряд по разным причинам. Кому-то некуда было деться, поскольку фашисты уничтожили все, что они прежде наживали и берегли, кто-то мстил за близких, погибших и расстрелянных, кто-то сам спасался от расстрела.

Не все партизаны участвовали в политических спорах, предпочитая отмалчиваться в беседах, которые вели командир Василь Лукич да Иваныч. Однако все понимали: новая власть их уничтожит. Потому и боролись своими малыми силами против

огромной военной бездушной германской машины. Добывали нужные сведения для Красной Армии, поджигали немецкие склады, подрывали на мостах и дорогах грузовики, нападали на одиночных противников или ввязывались в бой с небольшими отрядами врага.

Поскольку фашисты постоянно выискивали партизан, приходилось менять место лагеря, однако из родного края не уходили.

В таких условиях, совсем не приспособленных для романтических отношений, между Оксаной и Григорием возник взаимный интерес. Кто знает, что повлияло больше — тяга ли взрослого парня к проявлению мужской силы, его боязнь погибнуть и не оставить на земле своего следа, жалость ли девушки к загубленной молодости и к несурзному парню, который ничего не умеет, но быстро осваивается? А может, встретились блеск голубых и пыл карих глаз, схлестнувшись в наземном пространстве? А может, тоска обоих по нормальной человеческой жизни? Кто знает, что виною сильному чувству?

Как-то партизаны отправились на задание: пустить под откос очередной состав с топливом для фашистских танков. Григорий, подвернувший ногу, остался на хозяйстве. Он-то, конечно, рвался со всеми. Только командир сказал, как отрезал:

— Куды ж ты пойдешь, Грицко? Ты це, пройдешь пару километров, а потом тебя нести доведется? Нет уж. Геройствовать в другоряд будешь.

— Так я, Василь Лукич, дойду. Вот, глядите,— Григорий прошелся строевым шагом, как он себе этот шаг представлял, высоко над землей поднимая одну, потом другую ноги, при этом широко размахивая руками.— И взрывчатку я быстрее всех уложу под рельс, вы ж знаете.

— Ты це, гусаком тут не выхаживай. Сказал — остаться. Так останешься.— Командир посмотрел в сторону женской землянки, от которой Оксана двинулась с ведром к ручью, протекавшему на дне оврага, и строго велел.— Ты це, бабам зроби баню. Вони ж який день просяют. Воды им наноси, баню растопи вон в той землянке,— он показал рукой на землянку, которая ближе других стояла к женской.— Хай там моються.

Отряд ушел, и Григорий, ругая себя за неосторожность, заставившую остаться в лагере, приступил к выполнению полученного задания. Под нескончаемые шутки женщин, которые в душе радовались мужской подмоге, притащил в землянку большую бочку и залил ее водой.

Пока он носил воду из ручья, бабы подначивали:

— О-то, печник ты наш драгоценный,— по-доброму оценивала заготовку бани тетка Павлина.

— Ты б с нами чуток попарился бы,— вторила ей Пелагея Даниловна,— мы б тебе спинку поскребли.

— Да он в нашей помощи не нуждается, бабоньки,— подхватывала Таисия,— ему Оксана любя.

Оксана же молчала, слов не находила. Да и понимала бабью хворь. Одиночество, беда — как их снимешь? Разве что шуткой.

Григорий тоже молчал, лишь ходил с ведрами от землянки к ручью. В мирные времена к этому ручью спешили местные жители, убежденные в святости воды, пробивавшейся из потайных подземных родников. Богом людям дареная, потому и не замерзает даже зимой. О Боге не говорили: советская власть этого не любила. Повсюду велась атеистическая пропаганда, да каждый житель, живший здесь с революционных времен, верил: Господь через ту воду беду от людей отводит.

Бочка, наполненная водой, стояла на камнях, между которыми горел жаркий костер из веток. Чтобы дым не мучил, наломал Григорий для костра с деревьев сухие ветви. Оттого дым шел светлый и почти незаметный.

Женщины укрылись в банной землянке, и время от времени до него, сидевшего на всякий случай неподалеку, доносились веселые голоса и даже смех. Так давно он не слышал смеха! Возникло ощущение мирной жизни, показалось, что это он с одноклассниками оказался в походе, и нет никакой войны. Даже появилась шальная мысль: подглядеть бабью помывку. Разозлился на себя за такие мысли, плюнул в сердцах и ушел в свою землянку.

Землянки стояли одна от другой метрах в тридцати, его жилище располагалось на одном конце лагеря, а женское — на другом, так что прошел он метров шестьдесят, продрался сквозь колючие и густые кусты. Улегся на нары, запрокинув руки за голову. Около часу так провалялся. А потом пришла мысль: он же тоже может помываться, наверняка вода осталась.

Встал и отправился к самодельной бане. Увидев, что женщины скрылись в своей землянке, обрадовался: они ушли, и он им не мешает. Пospешил. Открыл дверь, сколоченную из жердей в два слоя, с брезентом посреди, утепленным сеном. Вошел в полутемное помещение, освещавшееся притухающим костром. Быстро начал раздеваться.

В дальнем углу за бочкой раздался шорох. Направил туда взгляд.

Там стояла Оксана. Голая. Девушка неловко прикрыла одной рукой грудь, другой — тайное женское место, куда стремится всякий мужчина, оказавшийся с женщиной наедине.

Оба застыли в молчании. Кровь прилила к лицу Григория, взбурлила во всех его членах, однако оторопь заставила парня стоять недвижно.

Вдруг Оксана откинула руки от притягательных частей своего красивого и сильного тела, решительно подошла к нему.

Григорий, находившийся теперь на речном острове, при этом воспоминании почувствовал Оксанино дыхание, жар ее молодого плотного тела, услышал девичий шепот: «Гриша, Гришенька, коханий мий!» Невозможно чувствовать, однако он ощутил свою тогдашнюю истому, невероятную силу всех членов, особенно того, что дает мужчине чин мужа. Секунда, другая, и ощущение мужской силы исчезло. Такую вот игру строит с ним время перехода из мира земного в заживненный.

Тогда же эта сила не уходила, она бурлила в молодом теле, перетекала в женское тело и возвращалась назад, увеличенная раз в десять.

Григорий оказался неумелым в мужском стремлении овладения прекрасным женским телом. И Оксана, тоже неопытная, но интуитивно чувствующая, что и как надо делать, повела Григория тропами любви, мягко проводя своей рукой по его телу, касаясь его тела своим, отклоняясь и прижимаясь. Она взяла его руку и повела его по своей груди и по животу.

Оксана сразу превратилась в женщину, и эта женщина знала: перед ней стоит ее мужчина, он проживет с ней всю жизнь. Но может и погибнуть вскоре. Он должен узнать любовь, ощутить мужскую истому, принять на себя состояние мужчины. Сегодня их венчальная баня. Не в церкви, не в городском загсе, а в самодельной бане партизанского лагеря они стали мужем и женой.

Женщина поняла и приняла мужчину. Мужчина откликнулся на плотский зов женщины. Развернулся любовный жар, и оба ощутили счастье.

Однако следовало дальше жить по заведенному в отряде порядку. И хотя все знали, что произошло между молодыми людьми, их отношения внешне сохранялись прежними: он — боец партизанского отряда, и она — такой же боец.

В новогоднюю ночь сорок третьего (кто ж не заметит такой сказочной ночи?), когда наступило в боевой жизни затишье (видно, и немцы не чужды особого отношения к ночи, несущей человечеству новый год и новые надежды), когда партизаны

опорожнили кружки с самогоном (его-то гнали сельчане в любую пору, в любых испытаниях) и со спиртом, украденным с немецкого склада, и все, кроме постовых, укрывшись в крепком сне, в ту ночь Григорий и Оксана снова были вместе. Судьбоносная сила провернула сложное дело, дав им два часа особого чувствования, чтобы зародилась в теле молодой женщины новая жизнь.

Счастливые своей близостью, они не видели, что происходило с Серегой. Ему пришлось по сердцу Оксана в тот летний вечер, когда изможденный и обессиленный он, вместе со своим фронтовым товарищем, оказался в отряде. Болели сбитые в долгой дороге ноги, гноилась рана на руке, чесалось потное тело, мучила жажда, и девушка протянула ему кружку холодной воды. В той воде оказалась заговорная сила. Когда Серега оторвался от кружки и поднял глаза, первое, что он увидел,— васильковая голубизна девичьих глаз. С тех пор, чтобы ни делал, выбирался ли из трудной переделки, уходил ли от преследователей, обустроивал ли землянку, вел ли разговоры с сельчанами, к которым забредал, спорил ли, мечтал ли, стрелял ли, в сон ли проваливался, эти глаза светили ему яркими звездами.

Он сразу догадался об отношениях Григория и Оксаны. Поначалу обиделся, стал резким и грубым. Потом обнаружил, что девушка похорошела, приобрела мягкость движений и слов. Обида быстро ушла. Партизанская дружба-служба оказалась сильнее. Они с Григорием несколько раз бывали в таких переделках, после которых навечно становишься друг другу корешом. Просто, решил Серега, Оксана — не его судьба. Его судьба живет в далеком мирном времени: там он ее встретит и не будет преграды между ними. Надо только разбить врага и вернуться домой.

В середине февраля Красная Армия освободила Ворошиловград. Радость переполняла сердца: скоро-скоро оккупанты будут выбиты с родной земли. Однако фронт внезапно остановился. Наряду с радостью и ожиданием полного освобождения усложнилась жизнь партизан, да и местных жителей. Фашисты усилили поиски сторонников и помощников Красной Армии.

В раннее мартовское утро к партизанскому лагерю подобрался отряд фашистов. Часовых резанули ножами по горлу: те даже звука не подали. Резко открыв дверь первой землянки, захватчики бросили гранату и прошли темное помещение автоматной очередью. Женщины и подняться с лежаков не успели.

Также быстро расправились с остальными. Только жильцы последней землянки, с противоположного от женского обиталища края, сумели уйти из лагеря. Фрицы сюда не сразу добрались. Однако в перестрелке, развернувшейся в ходе преследования, двоих убило, спаслись лишь Альберт и Иваныч.

В то утро Оксана, Григорий и Сергей возвращались с задания. Они собрали сведения о расположении немецких группировок, заодно добыли для отряда продукты. До лагеря оставалось ходьбы минут пятнадцать, когда раздался взрыв и автоматная очередь. Остановились.

— В лагерь нельзя,— прошептал Серега.

— А как же наши? — не согласилась Оксана.

— Мы их не спасем, уходить надо,— заверил Серега.— Ты как? — спросил он друга.

— Уходим,— поддержал Григорий.

— Вы что? Испугались, вояки?

Оксана рванулась к лагерю. Однако сразу остановилась, поскольку снова раздался взрывы и автоматные выстрелы. Когда наступила тишина, стало окончательно ясно: надо спешно уходить.

Они отступили. Спустя полчаса их нагнали Альберт и Иваныч.

Развернулся бешеный гон. Преимущество партизан состояло в том, что они знали каждый куст и каждую ложбину окрестности, умело проходили по скользким тропам, знали, куда эти тропы ведут. Но и преследователи поначалу не отставали, не прекращая стрельбы.

Впереди замаячила река, и партизаны решили переправиться на другой берег, полагая, что фашисты в холодную воду не полезут.

— Вперед, вперед, скидавайте одежду,— командовал Иваныч, взявший на себя руководство группой.

— Ты что, Иваныч, заморозить хочешь? — спросил Альберт.

— Это поначалу вода холодная, быстро привыкнешь,— ответил тот.— Вон, гляди, Оксана уж поплыла.

Девушка и впрямь скользила по воде, временами поглядывая на Серегу, который старался не отставать. В воду бросился Григорий, за ним Альберт и Иваныч. Плыли к острову. Движению помогало течение, но затрудняло то, что каждый в одной руке держал скатанную одежду. Когда доплыли до середины реки, на берег выскочили преследователи и развернули по ним пальбу.

Пуля пробила Альберту голову, и тот, захлебнувшись, пошел на дно. Другая пуля тяжело ранила Григория — ударила в спину и выскочила из груди. Серега, плывший рядом, успел подхватить друга. Их темп сразу замедлился. Замедлила движение и Оксана.

— Не останавливайся! Плыви! — крикнул ей Серега.

— Давай, девка! — грозно заорал Иваныч.

Девушка усилила движения руками, хотя то и дело оглядывалась на пловцов. Рядом с ней плыл Иваныч, подгоняя и требуя не снижать темпа.

Немцы прекратили преследование, решив, по всей видимости, что партизаны замерзнут в холодной воде и утонут, либо околеют на берегу. Зачем на них тратить патроны и время? Развернулись и скрылись из виду.

Когда пловцы выбрались на остров, дрожа и синея от холода, Иваныч тут же скомандовал: «Идем! Идем быстро!». Он и Серега подхватили под руки раненого Григория, понесли его вглубь острова, густо поросшего деревьями. Оксана спешила за ними.

Через несколько минут Иваныч сказал: «Пришли».

Он отвалил деревянный настил, покрытый землей и заваленный кучей веток, достал из открывшейся ямы два сидора, развязал и достал из них штаны и фуфайки: как раз на четверых. Велел одеться. Из того же тайника достал бутылку самогона и солдатские кружки. Разлил, протянул беглецам, сказав: «Для сугреву». Все выпили, ощутив разлившееся по телу тепло.

На небольшой поляне, что раскинулась недалеко от схрона, развели костер, установили рядом палки-рогатины и развесили мокрую одежду.

Григорий лежал совсем близко от костра, но согреться не мог и все просил, чтобы его чем-то накрыли. Оксана сидела рядом, положив его голову на колени и держа за руку. Пытаясь согреть раненого, она укрыла его своей фуфайкой, затем легла рядом и обняла, прижавшись. Тем не менее, он ощущал усиление холода. Боли уже не чувствовал, лицо покрыла бледность, слабость постепенно захватила все части тела, не давая двинуть ни рукой, ни ногой. Никак не мог сделать глубокий вдох, и задыхался, пытался короткими и быстрыми вдохами вобрать в себя необходимый воздух. Участившееся дыхание тоже приносило боль. Из груди рвались хрипы, а на губах собралась кровавая пена. Через пару часов он умер.

И снова Григорий, вспоминая тот уход с земли, ощутил резкую боль в спине и в груди, разливающийся по телу холод, удушье и невозможность двинуться. Он сидел

у костра, разведенного Сергеем, однако находился в состоянии человека, который умирал, лежа на земле.

— Похоронили тебя здесь, на острове,— рассказывал Сергей,— в той же яме, в схроне Петра Ивановича. Тот предусмотрительно подготовился к отходу из лагеря и создал на острове небольшой запас продуктов и одежды. Тем нас и спас. Конечно, мы поспешили отсюда выбраться. Прошли по броду с другой стороны острова. Петр Иванович и это предусмотрел.

Сергей замолчал. Что рассказывать? Оксана ни жива, ни мертва, даже слезинки не проронила. К тому же простудилась. Почти безжизненную увели ее с острова. Пристроили на временное жилье к старой хозяйке, что одна жила в глухой деревушке.

Оставив Оксану, отправились к линии фронта. Ночью перебрались к своим. Неделю две объяснялись с особистом воинской части: откуда пришли, почему отряд разгромлен, кто предал, где прятались. Все же им поверили, отправили в тыл, а потом и дальше воевать.

С тех пор Сергей с Петром Ивановичем не встречался, но всегда с благодарностью выпивал рюмку водки за его здоровье.

После войны отыскал родное село Оксаны, про которое еще в отряде узнал. Встретился с ней и Гришу — трехлетнего мальчика — увидел. Понял тогда, что Оксана Григория навсегда помнит и любит.

Раннее июльское утро. Солнце осветило остров, пронзив деревья жаркими лучами. Высоко над островом голубело безоблачное небо. Безветренный воздух насыщался ароматами трав. Щебетали птицы и жужжали шмели, время от времени нарушая тишину. В траве местами краснели ягоды земляники, словно капельки крови, разбрызганные по земле.

В центре небольшой поляны мерцала огнями недогоревших поленьев и веток костровая площадка.

Вокруг никого не видно.

За пределами острова от бомбежек гибли люди.

Ярослав Брагин
(г. Тула)

ЗЕМЛЯ В ДЫМУ

Земля в дыму. Идет война в Донбассе.
Нацисты вновь на Русь идут ордой.
Бывает ли еще кого опасней
Предавший брат, тем более родной?!

Земля в дыму — горят поля и хаты,
Снаряды рвут на части города!
Ребята русские, украинцы — солдаты:
Но кто для славы, кто-то для суда.

Земля в дыму. Тот дым тяжел и горек —
Цветущий край с трудом я узнаю, —
Одни несут с собою смерть и горе,
Другим бы волю отстоять свою.

Земля в дыму! Она века не знала
Орды опасней, злее и страшней.
Предавший брат — жесточе нет вандала.
Простивший же — нет война слабей!

Земля в дыму, товарищ ополченец,
И смерть снарядом залетает в дом!
По-братски рядом русский и чеченец,
И украинец — кончить сей содом!

